

ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Статья посвящена проблемам, связанным с цивилизационным развитием, техносферой, обществом и человеком. Рассматриваются вопросы основы цивилизационной целостности, детерминации цивилизаций; противоречия, связанные со становлением техносферы и техногенной цивилизации. Отражены проблемы общества и человека, возникшие в связи с технизацией.

Феномен техники настолько же универсален, насколько универсален язык, духовность, мышление, способность производить предметы для удовлетворения потребностей. Но эта универсальность техники по-разному проявляется в различных культурах, странах и у разных народов. Она способна раскалывать единую целостность национальной и даже наднациональной культуры на конфликтующие, враждующие стороны. Довольно интересным представляется рассмотрение развития техники в обществе и цивилизации, изменяющегося в связи с этим положения человека.

С момента своего образования техносфера, как совокупность техники и технологических процессов, сама глобализируется, поглощая и укореняя в себе человека. Как бы ни называть современную цивилизацию, трудно не согласиться, что настоящее, а особенно будущее человека зависит от окружающей его техники и техносферы, в которой укоренен сам человек.

Современные общества традиционно привыкли к мысли, что величайшие перевороты в общественной жизни осуществляются социальными революциями. Такие новые явления, как промышленная и последовавшая вслед за ней научно-техническая революции, рассматривались и рассматриваются лишь в границах социально-культурной динамики общественных изменений, без придания им всепланетарного и космического значения. И если сейчас быстро разрушается биосфера, уничтожаются экосистемы, то это, как считается, связано лишь с техногенными действиями несознательного человечества, которое в конце концов опомнится и исправит то, что оно натворило с природой.

В основе этой тенденции лежит возрастающая интенсивность связей – экономических, политических, культурных, коммуника-

ционных, объединяющих общества современного мира. Эти связи придают возникающей планетарной цивилизации системное качество: увеличивается взаимозависимость различных стран и регионов, кризисные явления в одном секторе глобальной цивилизации создают угрозу стабильности других секторов. И в то же время интенсивность глобальных взаимосвязей способствует быстрому распространению по всей планете тех форм экономической, социальной и политической жизни, тех типов культуры, знаний и ценностей, которые воспринимаются как наиболее эффективные для удовлетворения личных и общественных потребностей.

Все это, однако, не означает какой-либо всеобщей унификации. Во-первых, каждое общество и социальная группа берут из общечеловеческого опыта те формы жизни, которые они в состоянии освоить в рамках своих экономических и культурных возможностей. Во-вторых, реакцией на глобализацию является инстинктивное стремление различных человеческих общностей к сохранению собственной идентичности, которое особенно сильно проявляется в сфере культуры, национального и религиозного сознания. В результате современная глобальная цивилизация приобретает не только целостно-системный, но и внутренне плюралистический характер: усиливающаяся гомогенизация экономических, социальных и политических форм, определенных типов культурного потребления сочетается с культурным многообразием.

Нетрудно заметить, что становление глобальной цивилизации сопряжено с обострением трагического противоречия между различными ее зонами, в одной из которых человек располагает всеми ее благами и достижениями, а в другой – гораздо более обширной – царят голод, болезни, нищета.

Именно это противоречие создает наиболее опасную угрозу целостности глобальной цивилизации, без его разрешения вряд ли будет возможным ее дальнейшее поступательное развитие.

Думается, что основу цивилизационной целостности правильнее всего искать в человеческом измерении общественной действительности – в том, что реально объединяет живых людей в пределах определенной исторической эпохи. Причем речь не идет о таком объединении, которое обозначается понятиями «социальный порядок», «общественный строй», «система общественных отношений». В основе такого рода объединений лежит функциональная необходимость – интеграция социально разнородных частей общества в единый функционирующий организм. Цивилизационная же целостность не носит функционального характера – ее объединяет общность каких-то более глубинных свойств входящих в нее групп и индивидов.

Поскольку цивилизационная общность шире по своим масштабам общности социально-групповой, ее основы, возможно, надо искать в неких типических для больших исторических эпох принципах отношения человека к миру и своей собственной жизни. Такие принципы проявляются яснее всего в исторически определенных системах мотивации человеческой деятельности. Мотивы, цели, ценности людей, не сводимые к простому воспроизводству биологического существования, воплощают тот смысл, который они придают своей деятельности. Можно полагать, что именно смыслообразующие компоненты человеческой жизни образуют ядро этой целостности, которую называют цивилизацией.

Фундамент цивилизации образуют те продукты культуры, которые способны придать определенный смысл, определенную мотивацию и направленность человеческой деятельности на протяжении большой исторической эпохи, интегрировать человеческую общность.

Цивилизационное развитие связано с развитием технико-экономическим, формационным и т. п. Для того чтобы понять эту

связь, важно уяснить специфику истории цивилизаций, а это предполагает понимание ее специфической детерминации.

При сопоставлении различных цивилизаций оказывается крайне трудным сформулировать единый принцип их детерминации. Вероятно, что каждой цивилизации присущ особый, свой собственный механизм детерминации.

Для цивилизаций, называемых «традиционными», характерна высокая степень зависимости от природных условий бытия, следовательно, от той географической среды, в которой развивается каждый социум. Другая особенность этих цивилизаций, обусловленная уровнем их экономического и социального развития, – особо жесткая связь человека со своей социальной группой, будь то сельская или городская община, этнос или сословие. Групповая структура общества и место в ней человека определяют границы его жизненных возможностей; нормы групповой культуры оказывают мощное воздействие на его мотивы, ценности, ориентации. Индивид, сформированный в условиях этих цивилизаций, является прежде всего «групповым человеком» [1, с. 80]. Глубоко укорененное в психике чувство зависимости человека от сил природы и от наличного социального порядка формирует высший принцип функционирования этих цивилизаций. Таким принципом является воспроизводство, сохранение биологических и социальных условий жизни, верность устоявшейся традиции, пронизывающей все сферы общественного и индивидуального бытия. С точки зрения системы детерминации, присущей таким цивилизациям, они могут быть названы космогенными. Ибо космос, мировой порядок ориентирует смысл их жизнедеятельности и как совокупность законов, господствующих в царстве природы, и как порядок, изначально predeterminedный человеческому общежитию.

Космогенные цивилизации, охватывающие эпохи древности и Средневековья, сохранившиеся кое-где и до наших дней, обладали разной степенью стабильности. Однако все они были обречены на «старение» и гибель. Абсолютная неизменность чужда

природе вещей и тем более природе человеческого общества. Ориентация на стабильность подрывалась накоплением факторов, разлагавших данный социальный порядок, различного рода контактами с другими обществами. И в то же время эта ориентация снижала жизнеспособность и стойкость космогенных цивилизаций, так как мешала им вырабатывать новые качества, позволявшие адаптироваться к изменившимся условиям. С этим связан циклический характер развития таких цивилизаций.

Основополагающий цивилизационный принцип самосохранения и стабильности сменился радикально иным принципом лишь в эпоху позднего Средневековья в результате эволюции западноевропейской цивилизации. Исходным стимулом этого сдвига стало развитие и выдвигание на первый план человеческой деятельности «технэ» – способности к умножению знаний и изобретению нового. Поэтому цивилизацию, возникшую на развалинах средневековой, справедливо называют техногенной. Она основана на принципиально ином по сравнению с космогенными цивилизациями отношении человека с природой. Человек стремится к господству над природой, к ее преобразованию в своих интересах. Высшими принципами жизни человека и общества становятся обновление, рост, прогресс; циклическое развитие сменяется поступательным. Развитие техники, технологии, научных знаний превращается в ведущий детерминант общественного развития.

В обществах, принадлежащих к техногенной цивилизации, принципиально меняется характер связей между людьми, отношение между личностью и социумом. Эта цивилизация предполагает мобилизацию творческого потенциала, инициативы человека; необходимость свободы индивидуальной деятельности требует большей степени автономии индивида по отношению к социальной группе. Свобода и исходное равенство людей, независимость статуса человека от его социального происхождения становятся принципами общественной жизни. Однако эти принципы в действительности имеют не самоценное, а инструментальное значение:

они являются лишь средством, обеспечивающим выявление индивидуальных способностей, полноправное участие каждого в межличностной конкуренции, результатом которой оказывается воспроизводство фактической зависимости и неравенства. Тем не менее, утверждение этих принципов в общественном сознании является одним из величайших достижений техногенной цивилизации, ее вкладом в развитие практического гуманизма.

Развитие и становление техносферы и техногенной цивилизации сопровождается ростом техносферных противоречий.

Неолитическая революция (X – VIII вв. до н. э.) стала важным этапом в переходе от приспособления человека к природе к ее сознательному, целенаправленному преобразованию. Одомашнивание животных и возделывание земли были историческим рубежом, обозначившим, что человек, вместо того чтобы самому приспосабливаться к природе, стал приспосабливать ее к себе. Только при достижении земледельческой ступени исторического развития можно говорить о формировании техносферы как целостной техногенной среды искусственного происхождения, хотя и взаимодействующей с естественной средой и зависящей от нее, но живущей по собственным закономерностям и оказывающей непредусмотренное воздействие как на человека и общество, так и на природу. Первые известные экологические кризисы носили локальный характер (гибель цивилизации Месопотамии произошла от засоления обрабатываемых почв в результате несовершенных агротехнологий, скотоводство стало причиной расширения Сахары и уничтожения лесов Греции и т. д.).

Реализация новых, аграрных технологий потребовала принципиально новой организации трудового процесса. Вместо хаотической деятельности настала пора длительной и упорной работы. Но этот ритмичный труд имел для людей и другие последствия, негативные, противостоя естественной человеческой потребности в деятельности разнообразной и творческой. Наиболее ярко эти неблагоприятные трансформации проявились не в сельскохозяйственных трудовых процес-

сах, а в ремесле. Совершенствование ремесленных процессов вело к их усложнению и необходимости профессиональной специализации. Это приносило, с одной стороны, большую интенсификацию и отлаженность отдельных трудовых операций, ведущих к увеличению потребительских возможностей как ремесленников, так и всего общества. Но разделение труда вело и к сужению поля деятельности для каждого отдельного работника. В результате обособленность ремесел, совершенствуя технологическую сторону физического труда, приводя к оттачиванию технологий и точнейшей проработке стандартизированных деталей, по верному замечанию Л. Мамфорда, лишала «повседневный труд всякой радости» и заменяла его «беспощадной, притупляющей ум системной беспросветно черной работы» [2, с. 311].

Таким образом, даже первая ступень формирования техногенной среды стала причиной возникновения техногенных антагонизмов с биосферой и человеческой сущностью. Поскольку они не могли стать сознательной целью людей, приходится констатировать: техносфера не находилась под полным контролем создававшего ее человека даже на раннем этапе своего развития.

Промышленная революция XVII – XVIII вв. во многом позволила перейти от естественных производительных сил (когда преобладало индивидуальное аграрное и ремесленное производство) к общественным, что предполагало кооперацию и разделение функций в процессе труда. Произошло становление системы машинного производства: технологические процессы промышленности основывались на устройствах, принцип действия которых – преобразование механической энергии в механические движения рабочих органов. Индустриализация сопровождалась растущим разделением труда. Началось внедрение инноваций, обеспечивающих технологизацию бытового обслуживания и создание в массовом порядке (а не в частном, семейном, как это было в аграрном обществе) всего необходимого для жизнедеятельности больших масс людей, сосредоточенных на небольшом пространстве. Таким образом, техносфера индустриального об-

щества (наряду с уже находящимся под ее исключительным воздействием обеспечением производства материальных благ) в качестве новых функций получила обеспечение жизнедеятельности человека и поддержание коммуникаций (лишь материальных).

Д. Белл отмечает, что именно машинное производство впервые дало человечеству мирный способ приумножения богатств: не за счет ограбления и обнищания других людей, а путем повышения общего материального уровня [3, с. 53]. Он забывает разъяснить, за чей счет происходит это повышение материального уровня. Расплачивается по всем счетам природа, антропогенная нагрузка на которую начинает расти с внедрением новых, промышленных технологий.

Именно меньшая разборчивость в отношении сырья и естественной среды технологии привела к росту производства и усиленной переработке природных ресурсов, пока ранее игнорируемая проблема техногенных загрязнений не стала явной. Со становления индустриального типа производства общественной жизни началась все более явная деградация биосферы. Если аграрное общество знало местные экологические кризисы, то расширение промышленного производства ведет к усилению негативных экологических последствий.

Социокультурные аспекты процесса индустриализации заключались в распространении технологических аспектов на остальные области человеческой деятельности: политические процессы, научное познание и другие способы освоения мира начинали ориентироваться на технологические принципы. Сформировалось особое, отличное от научного, техническое мышление, основанное на стремлении к эффективности и умении действовать при недостатке точных знаний.

Многие философы, анализирующие положение человечества в начале XX в., подчеркивали негативные аспекты технизации. Они предупреждали, что экономическое развитие, умножая количество вещей, приводит к утрате духовных ценностей. За материальные блага люди могут заплатить свободой и духовностью. Техника может стать самоцелью, а человек – придатком к маши-

не. Инструментальное отношение распространялось на отношения между людьми – сам человек рассматривался как объект управления и преобразования.

Внутренние противоречия техносферы резко обострились. Они наблюдались: между неограниченными технологическими инновациями и ограниченностью материальных ресурсов производства и сбыта; между сохранением традиционных социокультурных систем и непрерывным потоком нововведений; между постоянным ростом городского населения и загрязнением урбанизированной среды; между массовыми производственными процессами, требующими механического труда работников, и ростом личностного самосознания и т. д.

Долгое время наука и техника развивались самостоятельно, научные и технические революции не совпадали. Но в середине XX в. начался процесс непрерывного увеличения количества технических нововведений и скорости их технологического освоения на основе развития и использования науки, что приводило к постоянному изменению производственной сферы. Это явление названо научно-технической революцией. В результате было положено начало постоянному и все ускоряющемуся процессу постоянных изменений как в промышленной сфере, так и во всех остальных областях человеческой жизни.

Эволюция западных обществ в XIX – XX вв. обнаруживает фундаментальную противоречивость, дуализм механизмов детерминации, присущих техногенной цивилизации. С одной стороны, ее высшая цель – наращивание материального богатства на основе постоянного обновления технических систем – превращает человека и социальную организацию отношений между людьми в простые функции, орудия эффективной экономической деятельности.

Но с другой стороны, присущая техногенной цивилизации мощная мобилизация человеческой активности, свободной деятельности людей в обществе не может рано или поздно не вступать в противоречие с их тотальной зависимостью от императивов технологии и экономической эффективнос-

ти. Ориентация на свободу формирует человека и группы людей как самостоятельных субъектов социальной деятельности, побуждает их добиваться улучшения своего материального и правового статуса.

Техногенный поворот связан прежде всего с изменением энергетических основ эволюции человечества, со стремительной заменой биологических производительных сил, особенно их мускульной составляющей, технико-технологическими.

К концу XX в. решающими элементами социальной энергетики стали интеллект человека (совокупное научное знание) и онаученная техника. Это можно объединить одним понятием – наукотехника.

Сплав человеческого интеллекта и техники приводит к дальнейшему росту производительных сил, направляемых на удовлетворение не только жизненно важных человеческих потребностей и интересов, но и социально-культурных, цивилизованных в широком смысле этого слова.

Именно за счет революционных изменений в производительных силах, сконцентрировавшихся в человеческом интеллекте и интеллектуальной технике, мир вокруг человека и мир самого человека начали стремительно меняться. Можно с уверенностью сказать, что индустриализация, научно-техническая революция и урбанизация выступают мощнейшими социальными механизмами изменения земледельческих цивилизаций и становления индустриальных, а затем и постиндустриальных.

При этом следует отметить, что в обществе появляются противоречивые отношения к технике и разное понимание ее роли. Например, распространяются страх и технофобии, согласно которым сегодня реальна опасность порабощения человека техникой, ее выхода из-под контроля человека и появления грозной силы, разрушающей цивилизацию.

Наиболее очевидный исторический предел техногенной цивилизации образуют обострение экологического кризиса, изобретение и распространение оружия массового уничтожения.

Экологическая среда человека меняется во много раз быстрее, чем у всех других жи-

вых существ. Темп этого изменения обусловлен ускоряющимся развитием техники. Поэтому человек не может вызывать глубоких изменений и – слишком часто – полного разрушения биоценозов, в которых и за счет которых он живет.

Нынешняя спешка не оставляет человеку времени подумать и проверить, прежде чем приступить к действию.

Было бы неверно видеть в угрозе термоядерной и экологической катастроф единственную причину цивилизационного кризиса. Эта угроза лишь ярко высветила более глубокий процесс размывания самих основ техногенной цивилизации – процесс, затрагивающий ее субъективно-человеческое измерение, смысл жизни человека и общества. Кризис цивилизации означает кризис, обесмысливание тех мотивов, целей, которые сформировали ее целостность, явились движущей силой поступательного развития.

«Происходит разрушение сложившейся системы детерминации мотивов и поведения человека. Как ни парадоксально это звучит, кризис смысла порождается возросшей степенью человеческой свободы» [4, с. 37].

Прогрессирующая свобода представляет собой результат двух параллельно развивающихся процессов.

Один из них радикально меняет отношения между человеком и техникой. Потребности и интеллектуальные способности человека всегда были движущей силой технического прогресса, но эти потребности в свою очередь детерминировались, а проявление способностей лимитировалось достигнутым уровнем развития науки и техники. Люди стремились производить все больше вещей и услуг ценой все меньших затрат и усилий, сам же набор этих вещей и услуг был чем-то само собой разумеющимся: он определялся базовыми человеческими потребностями, стремлением к оптимизации условий жизни и возможностями, которые создавал достигнутый уровень развития производительных сил.

Современная научно-техническая революция произвела коренной переворот во всей этой системе отношений. Она расширила «поле возможностей» созидания и удов-

летворения новых потребностей, обострила противоречивость этого процесса. В это «поле» включаются экологические, гуманистические критерии, проблемы, связанные с качеством жизни и кризисными последствиями предшествующего технического развития, с потребностью в таком производственном процессе, который способен заинтересовать работника, выявить его личностный потенциал.

Второй фактор, резко повышающий степень человеческой свободы, – это рост интеллектуальной и поведенческой автономии индивидуального человека, открывающий новый этап всемирно-исторического процесса индивидуализации. Человек предшествующих эпох, как правило, представлял собой существо, объединяющееся с себе подобными в относительно устойчивые группы. В своих мотивах и знаниях, нормах и представлениях он опирался на те, которые были приняты его группой, закреплены в групповой культуре. В современном развитом обществе происходит радикальный переворот в системе социальных связей людей. Социальные группы различного масштаба и уровня продолжают существовать, но значительно ослабевают связи между каждой из этих групп и входящими в них индивидами. Резко возросшие темпы социальных изменений лишают групповые связи человека былой устойчивости, определенности, однозначности.

На место прежней изоляции групповых культур приходят возрастающее сближение, усреднение и интернационализация типов материального и культурного потребления, образов жизни, источников и содержания социальной информации. Эти тенденции, отраженные в концепциях «массового общества» и «массового человека», ставят индивида в ситуацию своего рода культурного и психологического одиночества: ведь «масса» и «массовая культура» неустойчивы по сравнению с традиционными группами и их культурами, гораздо менее них способны внушить человеку ясную систему ориентации, мотивов, ценностей. Но это одиночество – обратная сторона автономии индивида, его возросшей свободы от какого-либо однозначного социального влияния.

Кризис техногенной цивилизации не означает, что человек приобретает независимость от техники, экономики и объективно существующих общественных отношений. Он означает лишь, что человеку необходимо находиться в постоянной готовности, чтобы уметь ответить на вызовы того, что создано им самим.

Преодоление указанных выше опасностей и выход из положения возможны путем создания гуманно компьютеризированного общества, которое ориентировано на свободное развитие каждого человека, его связей с другими людьми и максимальную мобилизацию потенциала личности.

Список использованной литературы:

1. Отрега-и-Гассет Х. История как система / Х. Отрега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1996. – №6. – С. 78 – 103.
2. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд; пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратова. – М.: Логос, 2001. – 408 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. – М.: Академия, 1999. – 782 с.
4. Дилигенский Г. Г. «Конец истории» или смена цивилизаций / Г. Г. Дилигенский // Вопросы философии. – 1991. – №3. – С. 29 – 42.